
Ю. В. Бромлей, В. Н. Башилов

**СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА
В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ**

Закончилась девятая пятилетка (1971—1975). Эти пять лет прошли в интенсивной творческой работе большого отряда советских этнографов. Наступила пора подвести первые итоги многоплановой коллективной деятельности с тем, чтобы уяснить, насколько за этот период продвинулась наша отечественная этнография в решении задач, выдвигаемых перед ней обществом развитого социализма. Такого рода анализ, призванный показать основные достижения, с которыми советские этнографы пришли к XXV съезду КПСС, является и неременной предпосылкой определения важнейших направлений этнографической науки на ближайшие годы.

Девятая пятилетка характеризуется особенно пристальным вниманием партии и всей советской общественности к роли науки в жизни нашей страны. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (14 августа 1967 г.) оказало значительное влияние на дальнейшее совершенствование гуманитарных исследований. XXIV съезд КПСС, следуя ленинским указаниям, поднял заботу о развитии советской науки на уровень важнейших задач нашей партии. В сложном деле стимулирования общественного прогресса при социализме исключительно велика роль общественных наук, ибо они обобщают накопленный опыт и служат научной основой руководства жизнью общества. В докладе о 50-летию СССР Л. И. Брежнев отмечал: «Подобно тому, как в промышленности и сельском хозяйстве мы не можем теперь делать буквально ни шагу вперед без помощи новейших достижений науки, так и в нашей общественной жизни развитие науки — необходимая база для принятия решений, для повседневной практики. Партия всегда поддерживала и будет поддерживать новаторский, ленинский подход к изучению сложных общественных явлений, усилия наших теоретических кадров, направленные на развитие общественной теории, на творческий анализ действительности»¹. Возрастание роли общественных наук связано с их практической задачей всесторонне исследовать важнейшие проблемы зрелого социалистического общества. Советская этнография стоит в одном ряду с теми дисциплинами, которые призваны участвовать в решении насущных задач строительства социализма и коммунизма. Иначе и не может быть: основным объектом этнографического исследования являются преимущественно современные народы, в первую очередь народы Советского Союза.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 58.

Годы девятой пятилетки отмечены возросшим вниманием советских этнографов к теоретическим проблемам науки. Дальнейшую разработку теории стимулировали не только обширные новые материалы, но прежде всего изменения в самом объекте этнографического исследования — этносе. За последние десятилетия традиционные культуры народов претерпели существенные преобразования, многие черты старины навсегда исчезли из быта, быстро впитывающего в себя разнообразные влияния урбанизированной современности. В жизни людей появились новые занятия, возникли новые отношения, утвердились новые взгляды; особенно разительные перемены произошли в сфере материальной культуры, проявившей наибольшую восприимчивость к нововведениям. В результате этнография оказалась перед иной, чем десятилетия назад, социально-культурной ситуацией. Это потребовало уточнения представлений о предмете науки, основных ее понятий, а вместе с тем и более четкого определения границ науки. Оживленное обсуждение в среде этнографов вызвали две узловые взаимосвязанные проблемы: теория этноса и определение предметной области этнографических исследований.

Особенно большое внимание привлекла теория этноса, рассматриваемого в качестве сложной динамической системы. Дискуссии по этой проблеме, начавшиеся еще в прошлое десятилетие, в годы пятилетки получили дальнейшее развитие². Была продолжена также работа по уточнению предметной области этнографии, ее соотношения со смежными дисциплинами³.

Попытка подвести предварительные итоги этих дискуссий была принята в книге «Этнос и этнография»⁴. В книге проводится мысль, что критерии для определения предмета этнографии следует искать среди типологизирующих, характерных черт основного объекта науки — этноса (народа). Такими чертами являются те свойства этноса, благодаря которым он может быть выделен среди других человеческих общностей, т. е. этнические свойства, имеющие функции внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации. Эти функции присущи преимущественно устойчивым компонентам повседневной бытовой культуры. Следовательно, этнографический угол зрения в исследовании этноса определяется этнической спецификой этого слоя культуры каждого народа. Такой подход делает более ясной и границу между этнографией и смежными науками: гражданской историей, социологией, языкознанием, культуроведческими дисциплинами, географией. Выделение главного критерия, каким является этническая специфика, позволило обосновать понимание этнографии как науки, изучающей все народы на всех этапах их развития, все уровни иерархии этнических общностей. Отсюда в свою очередь вытекает необходимость типологизации этнических общностей, чему также было уделено значительное внимание. Книга вместе с тем выявила те вопросы теории этнических общностей, которые нуждаются в дальнейшей разработке; и в этом плане за самые последние годы уже

² Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», 1, М., 1971; В. И. Козлов, Что же такое этнос? «Природа», 1971, № 2; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971; С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», 2, М., 1972; Ю. В. Бромлей, Опыт типологизации этнических общностей, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1972, № 5; К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, СЭ, 1972, № 3; В. И. Козлов, Г. В. Шелепов, «Национальный характер» и проблемы его исследования, СЭ, 1973, № 2; П. И. Пучков, О соотношении конфессиональной и этнической общностей, СЭ, 1973, № 6.

³ К. В. Чистов, О взаимоотношении фольклористики и этнографии, СЭ, 1971, № 5; В. И. Козлов, В. В. Покшишевский, Этнография и география, СЭ, 1973, № 1.

⁴ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973.

достигнуты определенные результаты. В частности, заслуживают внимания попытки аргументировать тезис о важной роли этнического самосознания в функционировании этноса как системы⁵. Было продолжено также обсуждение вопроса о специфике этнографического изучения культуры. Этой задаче был посвящен специальный симпозиум, рассматривавший культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований⁶.

В годы пятилетки продолжалась и разработка выдвинутой в советской этнографии еще в 50-е годы концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, тесно связанной с пониманием культуры как основной сферы проявления этнической специфики. Сейчас, когда уже убедительно обоснована правомерность выделения этих общностей, на очереди стоит исследование вопросов их формирования и развития — как в общемировом масштабе, так и в пределах отдельных регионов. За последние годы сделаны серьезные шаги в этом направлении⁷.

Теоретическая и методологическая работа, проводившаяся советскими этнографами в минувшем пятилетии, органически связана с их конкретными исследованиями по основным направлениям науки.

Центральным направлением этнографических исследований в минувшую пятилетку было изучение процессов, определяющих современный этнокультурный облик народов нашей страны. В частности, продолжалось изучение культурно-бытовых процессов, связанных с преобразованием традиционных культур. В рамках этого направления, сложившегося, как известно, еще в 1950-е годы, проведена большая работа по анализу тенденций развития основных элементов традиционно-бытовой культуры разных народов нашей страны. В поле зрения исследователей находились все основные компоненты сохранившейся традиционно-бытовой культуры. Например, как и прежде, углубленно исследовалась материальная культура⁸. Продвинулось также изучение процесса формирования новой обрядности, роли обрядов в современном обществе⁹. Вообще для последних лет характерно возросшее внимание к проблемам общественной жизни и семьи, в рамках которой формируются многие отличительные черты современного быта¹⁰. В этом отношении показательна коллективная монография, посвященная культуре и быту уральских рабочих; в ней культурно-бытовые

⁵ В. И. Козлов, Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса, СЭ, 1974, № 2; И. Н. Хабибулин, Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций, Пермь, 1974.

⁶ Подробнее см.: А. Н. Кожановский, Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований», СЭ, 1975, № 3.

⁷ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, СЭ, 1972, № 2; их же, Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования), СЭ, 1975, № 3.

⁸ «Современная культура и быт народов Дагестана», М., 1971; В. В. Востров, Х. А. Кауанова, Материальная культура казахского народа на современном этапе, Алма-Ата, 1972; В. В. Леонтьев, Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.), Новосибирск, 1973. Другие работы этого направления указаны в подстрочных примечаниях к разделу об изучении традиционной культуры народов СССР (см. ниже).

⁹ М. Г. Гугутишвили, Современные советские праздники, обряды, традиции и их роль в преодолении религиозных пережитков, «Вестник Гос. музея Грузии», № 29, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); Н. П. Лобачева, О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения), СЭ, 1973, № 4; М. Эндзеле, Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Латгале и Курземе), СЭ, 1973, № 4; Н. П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, М., 1975.

¹⁰ Л. Ф. Моногарова, Преобразования в быту и культуре приамурских народностей, М., 1972; А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР), М., 1972; В. К. Бондарчик, Э. Р. Соколенко. Новые явления в семейном быту сельского населения Белоруссии, М., 1973; О. А. Гандка, Этнос и семья в СССР, СЭ, 1974, № 3.

изменения, происшедшие в жизни русского рабочего за годы Советской власти, показываются в связи с рассмотрением социальных преобразований¹¹. Как эта, так и другие вышедшие в свет работы свидетельствуют о том, что этнографы продолжают разворачивать исследование быта горожан, не ограничиваясь работами в привычной среде сельского населения¹².

В целом для всего этого комплекса работ характерно широкое использование давно утвердившегося в нашей этнографической науке метода сопоставления традиционных черт народной культуры (в том виде, в каком они были зафиксированы в конце XIX — начале XX в.) и современного быта. При этом изучение проводится не только в плане выяснения современной роли прежних, исконных элементов бытовой культуры, но и в целях выявления функций новых ее компонентов, вытеснивших и заменивших собой старые. Такой подход к анализу традиционных культур на современном этапе их развития четко отражен в формуле «традиции и инновации», сквозь призму которой в ряде работ и проводится анализ фактического материала. Характерной чертой исследований, получившей в рассматриваемый период дальнейшее развитие, стало широкое привлечение статистических материалов, данных анкетных опросов.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничивалось исследованием культурно-бытовых процессов. Главное внимание в прошлом пятилетии было уделено анализу современных этнических процессов в целом — многогранного явления, тесно сопряженного с самыми различными общественными сферами: от экономики до психологии. Культурно-бытовые изменения составляют лишь один из аспектов современных этнических процессов. И сколь ни важен этот аспект для раскрытия характера современных этнических процессов, тем не менее очевидно, что одних данных о состоянии бытовой культуры далеко не достаточно для их всестороннего изучения. Известно, в частности, что этническое самосознание может формироваться и крепнуть независимо от степени сохранения традиционных компонентов бытовой культуры и даже наряду с их утратой. Вместе с тем, как показали исследования последних лет, в современных условиях профессиональная культура, превращаясь в достояние самых широких масс, оказывает более сильное влияние на этнические процессы, чем традиционно-бытовая культура, границы которой постепенно суживаются¹³. Одним словом, необходимо комплексное изучение современных этнических процессов.

Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи», — говорил Л. И. Брежнев¹⁴. Вот почему не только научный, но и большой практический интерес представляет проводившееся в последние годы этнографическое изучение этнических аспектов национальных процессов в СССР.

Особое внимание при этом было уделено определению общих тенденций и основных направлений развития данных процессов в нашей стране за годы Советской власти¹⁵. Были намечены три основных типа

¹¹ В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила, М., 1974.

¹² Г. Н. Джавахишвили, Быт и культура шахтеров Ткибули, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Х. Есбергенов, Т. Атамуратов, Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков, Нукус, 1975.

¹³ См. Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР, СЭ, 1975, № 1.

¹⁴ Л. И. Брежнев, Указ. раб., стр. 24.

¹⁵ И. С. Гурвич, Современные направления этнических процессов в СССР, СЭ, 1972, № 4; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Социально-культурное разви-

такого рода процессов: этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническое сближение (интеграция). Проведенные исследования убедительно показали, что в условиях советского общества эти процессы протекают на базе дальнейшего развития и всестороннего сближения всех народов нашей страны. Было продолжено также изучение особенностей современных этнических процессов в отдельных регионах Советского Союза, исследование внутреннего механизма этих процессов¹⁶. Эти исследования осуществлялись на основе материалов этнографических наблюдений с широким привлечением статистических материалов и данных лингвистики. Они позволили, в частности, констатировать исчезновение прежней обособленности и замкнутости многих локальных этнографических групп внутри отдельных наций и народностей, выявить конкретные формы складывания новых общесоветских черт в бытовой культуре народов нашей страны; заметно расширилось в рассматриваемый период изучение этнолингвистических аспектов этих процессов¹⁷.

В ходе этнографического изучения современных национальных процессов выявилось особое значение взаимосвязи между собственно этническими и социально-экономическими факторами. Стало ясно, что необходимо изучать, с одной стороны, особенности этнических изменений в различных социальных группах, с другой — своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у разных народов. Развертывание этих исследований привело к появлению особой научной дисциплины на стыке этнографии и конкретной социологии — этносоциологии. Можно сказать, что девятая пятилетка стала периодом, в течение которого этносоциология оформилась как самостоятельное научное направление. В 1973 г. Институтом этнографии АН СССР была выпущена первая монография, обобщающая итоги этносоциологических исследований¹⁸, в которой рассмотрены разные социальные группы у двух основных народов Татарской АССР — татар и русских. Проанализированные материалы свидетельствуют, что на современном этапе социальная структура татарской нации пришла в соответствие с общесоюзной социально-классовой и социально-профессиональной структурой. На этой основе произошло сближение социальной структуры татар и русских. Осуществление ленинской национальной политики, одним из результатов которой явилась ускоренная социальная мобильность татар, способствовало интеграционным процессам и в области культуры. Исследование показало, что в настоящее время татары и русские в одних и тех же социальных группах, сохраняя известное национальное своеобразие, практически не различаются по уровню культурного развития; одинаковые социальные

тие и сближение наций в СССР на современном этапе, М., 1972; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Этнические процессы в СССР, «Вестник АН СССР», 1972, № 11.

¹⁶ См., например, В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, Этнические процессы в Советской Карелии, сб. «50 лет Советской Карелии», Петрозаводск, 1970; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера», М., 1971; Л. Н. Терентьева, Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР, СЭ, 1972, № 6; В. С. Зеленчук, Население Молдавии, Кишинев, 1973; В. И. Наулко, Развитие межэтнических связей на Украине, Киев, 1975; А. В. Смоляк, Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина, М., 1975.

¹⁷ Е. И. Клементьев, Языковые процессы в Карелии (По материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения), СЭ, 1971, № 6; М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия, СЭ, 1972, № 2; его же, Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (О социолого-лингвистических исследованиях в Сибири), СЭ, 1973, № 2; С. И. Брук, М. Н. Губогло, Двуязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи населения 1970 г.), СЭ, 1975, № 4; С. И. Брук, М. Н. Губогло, Факторы распространения двуязычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований), СЭ, 1975, № 5.

¹⁸ «Социальное и национальное (Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР)», М., 1973.

группы этих наций имеют общие ориентации, жизненные цели и представления. Аналогичные исследования проведены в ряде союзных республик.

В последний год пятилетки вышел в свет коллективный обобщающий труд — монография «Современные этнические процессы в СССР»¹⁹, которая подводит итоги проводившимся в стране исследованиям по этой проблематике. В книге впервые дано всестороннее освещение этнических аспектов национальных процессов в СССР за годы Советской власти, подробно рассматривается отражение этнических изменений в сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений у народов Советского Союза, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов. Значительное внимание уделено также разработке теории этнических процессов. На обширном фактическом материале авторы раскрывают диалектическую взаимосвязь между процессами внутреннего развития каждой нации, с одной стороны, и их сближения — с другой. Исследование, в частности, убедительно показало, что в ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР, усвоения ими достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п. Эта общесоветская культура — важный компонент новой исторической общности — советского народа.

Определению дальнейших перспектив этнографического изучения нашей действительности была посвящена специальная Всесоюзная конференция, состоявшаяся весной 1975 г. в г. Нальчике. На конференции подчеркивалось, что изучение современных народов высокоразвитых стран требует от этнографов особого подхода, и при этом недопустимо механическое перенесение на него тех представлений о предмете и методах этнографии, которые сложились применительно к отстававшим в своем развитии народам либо к архаическим компонентам культуры. Отмечалось также, что особый подход к этнографии современности в свою очередь предполагает не только перемещение исследовательских зон (из сферы материального быта в сферу духовной культуры), ломку традиционных представлений о профиле этнографических работ, но и большую психологическую перестройку самих исследователей, глубокое понимание ими сущности и неизбежности всех этих перемен²⁰.

Минувшие пять лет ознаменованы и усилением работы по исследованию современных национальных процессов в зарубежных странах. По сути, значительная часть имеющихся на сегодняшний день публикаций по этой проблематике увидела свет в течение последней пятилетки. В опубликованных книгах основное внимание уделено этническим аспектам национальных процессов²¹. Подвергнуты рассмотрению разные стороны этносоциальных процессов — и пути образования современного этнического состава разных стран, и проблемы ассимиляции, и судьбы национальных меньшинств, и влияние религии на взаимоотношения народов. Авторы стремились выявить основные тенденции национального развития в послевоенные годы как в отдельных странах, так и в целых реги-

¹⁹ «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975.

²⁰ См.: Н. С. Полищук, Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности, СЭ, 1975, № 5.

²¹ М. Я. Берзина, Формирование этнического состава населения Канады (Этностатистическое исследование), М., 1971; «Национальные проблемы Канады», М., 1972; «Национальные процессы в США», М., 1973; Р. Н. Исмагилова, Этнические проблемы современной Тропической Африки, М., 1973; «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике», М., 1974; «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1974.

онах. Сложность и многоплановость этой проблематики требуют совместной работы целой группы специалистов; не случайно многие посвященные ей монографии подготовлены коллективами авторов.

С исследованием национальных процессов в зарубежных странах тесно связана работа по воссозданию общей историко-этнографической характеристики населения в пределах целой страны или отдельного региона. В течение последних пяти лет вышло в свет несколько работ такого плана, в том числе посвященных разным регионам американского континента²². В непосредственной связи с общим анализом этнических процессов, протекающих в наши дни, находится исследование истории народов в более ранний период, когда были заложены основы формирования современной этнокультурной ситуации в той или иной стране²³.

Несколько особое место среди работ, посвященных современным зарубежным народам, занимает сборник «На Берегу Маклая». Авторы статей — члены этнографического отряда экспедиции на «Дмитрии Менделееве» (6-й рейс) — проследили изменения в жизни обитателей папуасской деревни Бонгу за сто лет после первого посещения этих мест Н. Н. Миклухо-Маклаем. Но, хотя в книге описана лишь одна деревня, в ней затронуты процессы, характерные для Папуа Новой Гвинеи в целом²⁴.

Проблематика, связанная с исследованием этнических аспектов современных национальных процессов за рубежом, освещается и в ежегоднике Института этнографии АН СССР «Расы и народы», который начал издаваться в первый год минувшей пятилетки²⁵.

В целом исследование советскими этнографами этносоциальных процессов в зарубежных странах способствует более углубленному пониманию этих процессов, вскрывает их тесную связь со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций. Особый интерес представляет изучение этнических процессов в странах Африки, Азии, Латинской Америки, Океании, недавно вставших на путь самостоятельного развития. В условиях все расширяющихся контактов СССР с зарубежными странами изучение современных процессов чрезвычайно полезно для понимания как этнической, так и общей национально-политической обстановки, сложившейся в той или иной стране.

В непосредственной связи с изучением современности получили развитие пограничные с этнографией дисциплины — этническая география и этническая демография, оформившиеся как специфические отрасли знаний в послевоенные годы. Становление этих смежных дисциплин было вызвано необходимостью разработки важных в практическом отношении проблем, связанных с определением численности народов, их географическим размещением и территориальными взаимоотношениями, с исследованием сложных демографических и этнодемографических процессов, оказывающих большое влияние на всю современную жизнь народов мира. Опираясь на созданные в 60-е годы обобщающие труды, этногеографы и этнодемографы в течение девятой пятилетки завершили работу по созданию капитального этнодемографического труда — «Атласа населения мира». Эта работа обобщает в форме карт, схем, диаграмм, таблиц и текста широкий круг явлений и процессов, касающихся народонаселения. Помимо этнических аспектов народонаселения, в атласе освещены также миграция населения, динамика его численности, размещение и плот-

²² См., например, Л. А. Файнберг, Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971; С. А. Гонимский, Колумбия. Историко-этнографические очерки, М., 1973; его же, Гаитянская трагедия, М., 1974.

²³ Д. Д. Тумаркин, Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг., М., 1971. См. также: Н. Н. Грацианская, Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития, М., 1975.

²⁴ «На Берегу Маклая. Этнографические очерки», М., 1975.

²⁵ «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы», 1—5, М., 1971—1975.

ность, различные демографические показатели и т. п. В отличие от «Атласа народов мира», где был применен один прием картографирования (метод цветного фона), в «Атласе населения мира» использованы самые различные способы картографического изображения явлений, наряду с картами есть картодиаграммы, динамические графики и т. п.

Значительное внимание в девятой пятилетке было уделено методологическим проблемам этнического картографирования, осуществляемого в тесной связи с этнической и демографической статистикой. Исследовались, например, вопросы типологии этнических процессов, методов их картографирования, в частности способы показа этнического состава населения городов, подвижного неоседлого населения мира (кочевников, бродячих охотников и собирателей) и т. д.²⁶ Важным результатом работы этнографов и этнодемографов Института этнографии АН СССР является ряд опубликованных карт²⁷.

Большое место в деятельности советских этнографов в девятой пятилетке продолжало занимать изучение традиционных культур народов мира. Это направление, присущее этнографии с самого ее оформления в самостоятельную область науки, за последние годы разрабатывается весьма активно. Причина усиленного внимания специалистов к традиционным культурам объясняется специфическими особенностями современного периода. Век научно-технической революции и социального прогресса способствует быстрому отмиранию многих элементов традиционно-бытовой культуры. Как уже говорилось, в особенности это относится к материальной культуре, бессильной противостоять вторжению в быт широкого круга промышленных изделий. Совершенно ясно, что целый ряд черт традиционных культур уже в ближайшие годы окончательно уйдет в прошлое и, пока имеется возможность для полевых этнографических изысканий, необходимо фиксировать те явления самобытной культуры разных народов, которые еще не стали предметом глубокого исследования.

В связи с этим изучение традиционных культур приобрело в наши дни особое значение, стало актуальной проблемой. Большое количество изданных за годы пятилетки работ по разным аспектам исследования традиционных культур народов мира в значительной степени объясняется именно этой потребностью времени. Этнографическое изучение культур народов Земли имеет уже долгую историю. Уместно вспомнить, в частности, что одна из первых экспедиций Российской Академии наук, впервые осуществившая сбор этнографических сведений в пределах всей страны, работала свыше 200 лет назад (1768—1774 гг., руководитель — П. С. Паллас). И все же традиционная культура многих народов до сих пор изучена недостаточно полно; каждый год этнографы получают сведения, позволяющие дополнить новыми, нередко очень существенными штрихами прежнюю этнографическую характеристику разных народов. Как и в прошлые годы, новые материалы выявляются главным образом в ходе полевых этнографических работ, которые несколько не утратили своего первостепенного значения для изучения народной жизни²⁸.

Традиционным культурам народов Советского Союза посвящена серия интересных публикаций, которые открывают новые страницы исторического прошлого народов, отраженного в занятиях, обычаях и воззрениях людей, в создаваемых ими вещах.

²⁶ См.: «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии», Л., 1974.

²⁷ «Карта плотности населения мира» (масштаб 1:15 млн.), М., 1970; «Народы мира», М., 1971 (масштаб 1:20 млн.); «Народы Евразии» (масштаб 1:8 млн.), М., 1972; «Народы СССР» (масштаб 1:5 млн.), М., 1972; «Карта плотности населения СССР» (масштаб 1:5 млн.), М., 1972, и др.

²⁸ С целью ускорить публикацию важнейших полевых материалов было решено с 1975 г. ежегодно выпускать сборник «Полевые исследования Института этнографии АН СССР». Первый ежегодник уже вышел в свет.

Многоплановость и богатство традиционной культуры каждого народа определяют разный предметный уровень конкретных исследований. Состояние знаний и задачи работы нередко требуют детального рассмотрения какого-либо одного компонента или целого комплекса черт культуры. Этот подход, целесообразный с точки зрения тщательности изучения отдельных явлений, плодотворно использовался и в минувшие годы. В частности, в разных регионах проводилось исследование хозяйства, материальной культуры или отдельных ее элементов (жилища, одежды, транспорта и т. д.). В некоторых случаях анализ материальной культуры учитывал ее взаимосвязи с занятиями народа, с характером поселений²⁹.

Наметилось и некоторое оживление в изучении такой традиционной этнографической темы, как общественная и семейная жизнь и связанные с нею обычаи³⁰. Продолжалось изучение обрядности — явления, которое смыкается как с циклом важнейших событий в жизни общества и представляющей его личности, так и с верованиями народа. При разработке этой темы широко привлекались фольклорные материалы³¹. С обрядами и верованиями тесно связан отражавший хозяйственный цикл народный календарь, изучение которого также велось в минув-

²⁹ См.: Т. В. Лукьянченко, Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв., М., 1971; В. Ф. Горленко и др., Народная землеробская техника украинцев (Историко-этнографична монографія), Київ, 1971; И. Буткявичюс, Поселки и усадьбы литовских крестьян, «Из истории культуры литовского народа», 6, Вильнюс, 1971 (на лит. яз.); Л. Н. Жеребцов, Крестьянское жилище в Коми АССР, Сыктывкар, 1971; «Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.)», М., 1971; «Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX в.)», М., 1971; Г. Х. Мамбетов, Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX—60-е годы XX века), Нальчик, 1971; А. Моора, Древняя ритуальная пища из зерна у эстонцев и других финно-угорских народов, «Известия АН ЭССР. Общественные науки», т. 21, № 2, Таллин, 1972; Г. В. Джалабадзе, Полеводческая культура Грузии, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); С. Б. Рождественская, Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк, М., 1972; Т. Хабиخت, Эстонская баня, Таллин, 1972 (на эст. яз.); «Азербайджанская национальная одежда», М., 1972; Л. А. Бедукидзе, Народная мебель в горных районах Восточной Грузии (по этнографическим материалам), Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); В. Н. Белицер, Народная одежда мордвы, М., 1973; «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973; М. А. Хамиджанова, Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли, Душанбе, 1973; Л. Берашвили, Земледелие в Месхети, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Ю. А. Сем, Нанайцы, Материальная культура (Вторая половина XIX—середина XX в.). Этнографические очерки, Владивосток, 1973; «Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане», Баку, 1973; Б. А. Калоев, Материальная культура и прикладное искусство осетин, М., 1973; Д. В. Сычев, Из истории калмыцкого костюма, Элиста, 1973; Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства и культуры абхазов, Сухуми, 1973; Ц. И. Безарашвили, Женская одежда в горных районах Грузии, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974; «Армянская этнография и фольклор», вып. 6, Ереван, 1974 (на арм. и русск. яз.); И. Мухиддинов, Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, М., 1975; «Кавказский этнографический сборник», вып. V, Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

³⁰ См., например: А. А. Исламов, Обычаи «избегания» (avoidance) у чеченцев и ингушей (К вопросу о пережитках материнско-родового строя) «Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы», 1972, т. 1, вып. 1; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко, Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX—начало XX вв.), Казань, 1973; В. Дж. Итонишвили, Из жизни и быта горцев Картли, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); «Социальная организация и культура народов Севера», М., 1974; А. И. Мусукбаев, Из прошлого забытого, Нальчик, 1975.

³¹ «Свята та обряди Радянської України», Київ, 1971; Ю. Ю. Сурхаско, Об историко-этнической типологии карельской свадьбы, СЭ, 1972, № 4; С. И. Хоситашвили, Свадебные обряды в Месхет-Джавахеги, «Материалы к этнографическому изучению Месхет-Джавахеги», Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); Е. Пипия, Свадьба и связанные с ней ритуалы в Мегрелии, «Материалы по этнографии Грузии», т. 16—17, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», Л., 1974, и др. Подробнее о работе фольклористов в последние годы см.: В. К. Соколова, Фольклористика в Академии наук, СЭ, 1974, № 3.

шее пятилетие на материалах разных народов³².

Большое внимание в последние годы было уделено изучению религий народов мира. Исследование религий, являющихся важной частью традиционной духовной культуры любого народа Земли, остается одним из существенных разделов этнографии. С момента своего возникновения религия оказывала немалое влияние на ход истории культуры, и многие черты жизни и быта людей окрашены особенностями исповедуемой ими религии. Хорошо известно, какое огромное значение имеет этнографический материал для общего религиоведения, в частности для исследования ранних форм религии; в этой области этнографические данные являются чуть ли не единственным источником. При этом проблематика, которая определяет специфику этнографического изучения религий, гораздо шире, чем вопросы первобытных верований. Этнографическое исследование призвано способствовать как разработке истории конкретных религий в различных районах мира, так и раскрытию общих закономерностей процесса развития религиозных верований. И в этом отношении минувшее пятилетие было весьма результативным: вышел в свет фундаментальный обобщающий труд по истории религии³³.

Сам характер получаемого путем полевых изысканий материала обязывает этнографов к разработке проблемы синкретизма религиозных верований. Проблема синкретизма в более общем плане связана и с задачей изучения локальных и простонародных форм мировых религий. Так, работы прошедшего пятилетия свидетельствуют о возрождающемся интересе наших исследователей к проблеме русского бытового православия, насыщенного пережитками язычества³⁴. Проблемы взаимосвязи православия с язычеством затрагивают и работы о культовых памятниках Грузии и молдавских новогодних праздниках³⁵. Вопрос о пережитках язычества в христианстве освещен и в сборнике о календарных обрядах народов Западной Европы, о котором речь пойдет ниже.

Минувшая пятилетка характеризуется выходом в свет новых работ, в которых проблема религиозного синкретизма разрабатывается на материале верований народов, исповедовавших ислам³⁶. Из конкретных результатов этого направления следует упомянуть опубликование новых материалов по среднеазиатскому шаманству; в особенности интересно проведенное О. А. Сухаревой исследование впервые обнаруженного ею шаманства у таджиков³⁷. Вопросы синкретизма (преимущественно на материале ранних верований) исследовались и сибиреведами³⁸. За годы пятилетки велась работа и по изучению религиозных верований древнего населения нашей страны³⁹.

³² «Эстонский народный календарь», 1, Таллин, 1970 (на эст. яз.); Ю. В. Кнорозов, Заметки о календаре мая. Общий обзор. I, II, СЭ, 1971, № 2, 3; И. М. Шаманов, Народный календарь карачаевцев, СЭ, 1971, № 5; Ю. В. Кнорозов, Заметки о календаре мая. 365-дневный год, СЭ, 1973, № 1.

³³ И. А. Крывелев, История религий. Очерки в двух томах, М., 1975.

³⁴ Б. А. Рыбаков, Языческое мировоззрение русского средневековья, «Вопросы истории», 1974, № 1; Г. А. Носова, Язычество в православии, М., 1975; Э. В. Померанцева, Мифологические персонажи в русском фольклоре, М., 1975.

³⁵ В. В. Бардавелидзе, Традиционные общественно-культовые памятники горной Восточной Грузии, т. I — Пшави, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Ю. В. Попович, Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.), Кишинев, 1974.

³⁶ Т. Д. Баялиева, Доисламские верования и их пережитки у киргизов, Фрунзе, 1972; «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии», М., 1975.

³⁷ О. А. Сухарева, Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков, в кн.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии».

³⁸ «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX вв.», «Сборник МАЭ», т. XXVII, Л., 1971; В. П. Дьяконова, Погребальный обряд тувинцев как исторический источник, Л., 1975; Н. А. Алексеев, Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в., Новосибирск, 1975.

³⁹ Ю. А. Рапопорт, Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии), М., 1971; Л. С. Грибова, Пермский звериный стиль (Проблемы семантики), М., 1975.

Этнографические работы остаются одним из наиболее эффективных способов исследования современного состояния религиозных верований, их «бытового» уровня. Такого рода исследования современного состояния религиозности в нашей стране представлены рядом публикаций, освещающих разные вероисповедания⁴⁰.

Появившиеся за последние годы публикации отражают и некоторые итоги исследования важной проблемы современной роли религии в жизни народов зарубежных стран⁴¹.

Находилось в поле зрения советских этнографов и народное художественное творчество. Преимущественное внимание уделялось тем его видам, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но и утилитарно-бытовыми свойствами (гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т. п.)⁴². Вместе с тем в отдельных регионах страны продвинулось и изучение народных танцев, музыки и театра⁴³. Уделялось внимание и такой слабо разработанной области, как этнопедагогика — изучение народного опыта воспитания новых поколений в соответствии со сложившимися культурными традициями⁴⁴. Значительно активизировалось исследование народной медицины, чему немало способствовало проведение специальной научной конференции⁴⁵.

Одним из существенных компонентов этноса является язык. Поэтому, характеризуя этнические общности, этнографы, естественно, не могут обойтись без данных лингвистики. Более того, нередко они вы-

⁴⁰ «Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества», Улан-Удэ, 1971; И. Джаббаров, Общественный прогресс, быт и религия, Ташкент, 1973; В. Ю. Келембетова, Побут і релігійні пережитки, Київ, 1974; Г. А. Носова, Указ. раб.; А. И. Клибанов, Религиозное сектанство в прошлом и настоящем, М., 1973; его же, Из мира религиозного сектанства, М., 1974.

⁴¹ См.: И. Р. Григулевич, Мятёжная церковь в Латинской Америке, М., 1972; «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии», М., 1973 (часть статей этого сборника освещает синкретизм народных верований).

⁴² «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. 1, Новосибирск, 1971; ч. 2, Новосибирск, 1975; Ю. К. Беджанов, О народном искусстве Адыгей, «Вопросы теории, истории и методики преподавания изобразительного искусства», вып. 2, Карачаевск, 1971; Б. С. Бутник-Сиверский, Народные украинские рисунки, М., 1971; В. Н. Мартьянов, Памятники прикладного искусства мордвы, Саранск, 1971; А. А. Трофимов, Поиски истоков чувашской вышивки, «Чувашское искусство», вып. 1, Чебоксары, 1971; Н. Х. Авакян, Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX веках, СЭ, 1972, № 4; Г. Н. Климова, Орнаментация текстильных изделий вычегодских коми, «Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР», № 13, Сыктывкар, 1972; К. Консин, Вязаные изделия (Серия «Эстонское народное искусство»), Таллин, 1972 (на эст. яз.); А. К. Писарчик, Народное прикладное искусство таджиков, «Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук», 1972, № 4; «Этнография и искусство Молдавии», Кишинев, 1972, Т. А. Крюкова, Удмуртское народное изобразительное искусство, Ижевск — Ленинград, 1973; А. Н. Пиркулиева, Домашние промыслы и ремесла туркмен долины средней Аму-Дарьи во второй половине XIX — начале XX в., Ашхабад, 1973; Н. О. Турсунов, Из истории городского ремесла Северного Таджикистана, Душанбе, 1974; А. К. Писарчик, Народная архитектура Самарканда, Душанбе, 1975.

⁴³ А. Средько, Так танцуют молдаване, Кишинев, 1971 (на молд. яз.); «Танцы Поділля. Збірник», Київ, 1971; З. Можейко, Песенная культура белорусского Полесья. Село Тонеж, Минск, 1971; С. С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. II, Ереван, 1972; «Славянский музыкальный фольклор», М., 1972; «Проблемы музыкального фольклора народов СССР», М., 1973; И. Земцовский, Мелодика календарных песен, Л., 1975; «Музыка народов Азии и Африки», М., 1973; «Зимние песни», Минск, 1975 (на белорусск. яз.); Х. Тампере, Эстонские народные музыкальные инструменты, Таллин, 1975 (на эст. яз.).

⁴⁴ Г. Н. Волков, Трудовые традиции чувашского народа. Этнопедагогический очерк, Чебоксары, 1970; Я. И. Ханбиков, Э. Х. Галеев, Татарские народные традиции физического воспитания. «Уч. Зап. Казанского пед. ин-та», вып. 105, Казань, 1972. Р. М. Пашаева, Народные средства трудового воспитания у горцев (на материале Дагестанской АССР), «Сов педагогика», 1973, № 1.

⁴⁵ См.: «Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы Всесоюзной научной конференции 10—12 марта 1975 г.», Л., 1975.

нуждены сами проводить этнолингвистические изыскания. Об этнолингвистических исследованиях современности речь уже шла выше. Что же касается народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития, то языковая культура таких народов обычно познается в первую очередь в ходе их этнографического изучения. За минувшую пятилетку вышли в свет отдельные книги, подготовленные в результате работы в этом направлении⁴⁶. Для советской этнографии традиционен особый интерес к дешифровке некоторых забытых систем письма, поскольку эти по-своему неповторимые системы представляют собой характерный компонент в комплексе отличительных черт раннеклассовых обществ. В минувшую пятилетку, в частности, успешно велась работа по изучению протоиндийских текстов⁴⁷. Блестящие результаты достигнуты в дальнейшем исследовании письменных памятников древних майя: вышла из печати монография Ю. В. Кнорозова, в которой впервые даны переводы жреческих манускриптов майя⁴⁸.

Заметно продвинулась за годы пятилетки работа в области этнической ономастики. Специалистам удалось выявить некоторые закономерности, определяющие специфику ононимов. В частности, была показана социальная обусловленность развития антропонимических систем и самой структуры имен⁴⁹.

Известно, что изолированное изучение отдельных элементов или аспектов культуры является лишь необходимым этапом на пути всестороннего историко-этнографического исследования разных этнических общностей. В течение минувшей пятилетки разработка вопросов традиционной культуры проводилась и комплексно, с задачей охватить все или важнейшие компоненты культуры того или иного народа. Ряд публикаций свидетельствует о плодотворности работы в таком направлении, когда авторы ставят своей целью дать обобщающую этнографическую характеристику народа или его отдельных групп. Значительное большинство вышедших книг обобщающего характера посвящено народам Советского Союза⁵⁰. Ряд публикаций содержит материалы (в том

⁴⁶ М. В. Крюков, Язык иньских надписей, М., 1973; «Эпиграфика Восточной и Южной Азии», М., 1972. См. также серию сборников «Africana».

⁴⁷ «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto Indica 1972», I, II, М., 1972; «Proto Indica 1973», М., 1975.

⁴⁸ Ю. В. Кнорозов, Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

⁴⁹ «Этнография имен», М., 1971; «Ономастика Поволжья. 2», Горький, 1971; В. Дж. Итонишвили, Топонимика Хеви, Тбилиси, 1971 (на груз. яз.); «Ономастика Поволжья. 3», Уфа, 1973; Дж. Н. Коков, Адыгейская (черкесская) топонимия, Нальчик, 1974; В. А. Никонов, Имя и общество, М., 1974.

⁵⁰ С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971; В. В. Антропова, Культура и быт коряков, Л., 1971; М. Сушанло, Дунгане (Историко-этнографический очерк), Фрунзе, 1971; В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971; А. Булатова, Лакцы (XIX — нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки, Махачкала, 1971; Ш. Д. Инал-Ипа, Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971; Б. А. Калоев, Осетины. Историко-этнографическое исследование, изд. 2, М., 1971; С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972; Р. Г. Мухамедова, Татары-мишари, М., 1972; А. Оразов, Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), Ашхабад, 1972; А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана (конец XIX — начало XX в.), Ашхабад, 1972; «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», Ашхабад, 1973; «Очерки по истории культуры Бурятии», т. I, Улан-Удэ, 1973; т. 2, Улан-Удэ, 1974; Ф. Сатлаев, Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.), Горно-Алтайск, 1974; Л. Б. Заседа-телева, Терские казаки (середина XVI — начало XX в.), М., 1974; Н. А. Миненко, Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв., Новосибирск, 1975; «Крестянство Сибири в XVIII—XX вв.», Новосибирск, 1975; «Вопросы культуры и быта населения Юго-Западной Грузии», Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); «Культура и быт Юго-Западной Грузии», II, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

числе и описание коллекций музеев) о традиционно-бытовой культуре народов зарубежных стран⁵¹.

Важнейшей формой исследования, при которой достигается обобщение накопленных материалов по традиционным культурам народов, является создание историко-этнографических региональных атласов. Подготовка атласов предполагает обзор имеющихся материалов с целью выяснения, насколько они детальны, полны, сопоставимы и пригодны для картографирования. В ходе работы над атласами стало ясно, что в этнографической характеристике многих народов нашей страны имеются существенные пробелы. Необходимость заполнить эти пробелы определяет сейчас направление ряда конкретных исследований, тематику полевых работ многих экспедиционных отрядов и характер некоторых публикаций. Так, за годы пятилетки выпущено несколько сборников, содержащих материалы к региональным атласам⁵². Многие книги, упомянутые выше в связи с общей проблемой изучения традиционных культур, решают конкретные задачи, выдвинутые в ходе подготовки атласов.

Как и первые выпуски историко-этнографических атласов, появившиеся еще в прошлом десятилетии («Народы Сибири», 1961; «Русские», 1967), создаваемые атласы по Средней Азии и Казахстану, Кавказу, Прибалтике, Украине, Белоруссии, Молдавии будут состоять из серии карт, обобщающих огромные фактические сведения об основных элементах культуры, сопроводительного текста и таблиц. Как правило, при картографировании отражены два этапа — середина XIX и начало XX в.; таким образом, атласы позволяют получить четкое представление об основных направлениях процесса изменения традиционных культур в дореволюционный период.

В отличие от обычных исследований, посвященных традиционно-бытовой культуре отдельных народов, в атласах, как правило, рассматривается несколько народов, живущих в пределах целой историко-этнографической области. Преимущества такого подхода очевидны. Он позволяет преодолеть неизбежную в ряде случаев узко краеведческую ориентацию в исследовании традиционных культур, так как показывает не только специфические элементы культуры одного народа, но и ее черты, общие для многих народов. Это важно не только с точки зрения собственных познавательных задач науки. Обыденное сознание склонно абсолютизировать соотношение между этносом и культурой, понимать культуру как специфическое создание одного конкретного, «своего» народа. Между тем многие черты традиционных культур соседних или родственных народов едины в пределах широкого региона, и атласы отчетливо показывают, каков диапазон этого единства.

⁵¹ Р. В. Кинжалов, Культура древних майя, Л., 1971; С. Г. Федорова, Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в.—1867 г. (опыт историко-этнографической характеристики), М., 1971; А. А. Бернова, Население Малых Зондских островов, М., 1972; И. М. Семашко, Бхилы. Историко-этнографическое исследование, М., 1975; см. также: «Africa, Африканский этнографический сборник», т. VIII, Л., 1971; т. IX, Л., 1972; т. X, Л., 1975, т. XI, Л., 1975; «Страны и народы бассейна Тихого океана», кн. 2 («Страны и народы Востока», вып. XIII), Л., 1972; «Основные проблемы африканистики», М., 1973; «Культура народов зарубежной Азии», «Сборник МАЭ», т. XXIX, Л., 1973; «Культура народов Австралии и Океании», «Сборник МАЭ», т. XXX, Л., 1974.

⁵² «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», М., 1971; «Занятия и быт народов Средней Азии», М., 1971; «Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.)», М., 1971; «Кавказский этнографический сборник, V», М., 1972; «Карпатский сборник», М., 1972; «Хозяйство Каракалпакии в XIX—начале XX века. (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ташкент, 1972; «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ашхабад, 1973; «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», Л., 1973; «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975.

В работе над атласами вместе с коллективом Института этнографии АН СССР принимают деятельное участие и специалисты республиканских научных учреждений. За минувшую пятилетку проведена большая работа по подготовке этих обобщающих коллективных трудов. Завершены в авторской части первые выпуски региональных историко-этнографических атласов «Украина, Белоруссия, Молдавия» и «Прибалтика». Опубликованные книги о белорусском жилище и сельскохозяйственной технике⁵³ представляют собой выпуски атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия». Подготовлен в авторском варианте первый выпуск атласа «Средняя Азия и Казахстан». Близка к завершению работа по составлению первых выпусков атласа «Кавказ».

Атласы предполагают типологическую систематизацию и сопоставление отдельных элементов культуры в пределах большого региона. Однако типологический анализ важнейших компонентов традиционной культуры возможен не только в формах, характерных для атласов.

Сравнительно-типологическое исследование, дающее более основательную разработку отдельных проблем истории культуры, проводится и в форме монографий. В частности, в минувшую пятилетку было положено начало сравнительно-типологическому изучению календарных обычаев и обрядов у народов Зарубежной Европы⁵⁴, которое позволило особенно наглядно показать, что здесь общность основных компонентов зимнего цикла обрядов и поверий уходит своими корнями в отдаленную дохристианскую древность. Начата работа по подготовке коллективного труда «Типология жилища народов Азии».

Исследование традиционных культур теснейшим образом связано с разработкой проблем этногенеза и этнической истории разных народов мира. Это естественно, ибо традиционная культура любого народа таит в себе следы его долгой истории, его родственных и культурных связей с другими народами. Следует заметить, что внимание к вопросам этногенеза является отличительной чертой советской этнографической науки; многие зарубежные школы не считают нужным разрабатывать это направление. Между тем проблемы этногенеза и этнической истории важны не только в силу того, что они обусловлены одной из основных задач нашей науки — изучением этносов как динамических систем на всем протяжении истории человечества; необходимость тщательного исследования путей формирования народа диктуется и практическими целями, связанными с распространением в обществе правильных взглядов на исторический процесс. До сих пор еще не полностью преодолено упрощенное понимание происхождения народов. Иногда односторонний подход к истолкованию этногенеза отдельных народов проникает и в специальные исследования. Между тем изучение этногенеза и этнической истории приносит очевидные свидетельства того, что человеческая история была всегда историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого» народа, не вобравшего в себя множество инородных элементов.

Этнографические материалы — один из важнейших источников для исследования вопросов происхождения народов. При этом сложность проблемы в целом требует привлечения всех других доступных источников. Разработка проблем этногенеза и этнической истории уже много лет ведется комплексно, в творческом содружестве этнографов с антропологами, археологами, лингвистами.

В исследовании этногенеза и этнической истории объектом изучения выступают как небольшие этнографические или этнические группы и

⁵³ «Беларускае народнае жыллё», Мінск, 1974; «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў», Мінск, 1974.

⁵⁴ «Календарныя обычаі і абрады ў краінах Зарубежнай Еўропы. ХІХ — пачало ХХ в. Зімяныя празднікі», М., 1973.

отдельные народы, так и целые группы народов, населяющих крупные историко-этнографические ареалы. Следует отметить, что работы историко-этнографического плана в большинстве своем отличаются разнообразием не только основных, этнографических данных, но и других привлеченных источников — литературных, археологических, лингвистических и т. д. Большинство такого рода работ посвящено этногенезу и этнической истории народов нашей страны⁵⁵. Существенный вклад в разработку этой проблематики внесен и специалистами по этнической антропологии⁵⁶. Заметно продвинулись за пятилетие также исследования по этнической истории зарубежных народов⁵⁷, в том числе и антропологические⁵⁸.

Появившиеся публикации не исчерпывают всей проведенной за пять лет работы: ученые разных специальностей не раз встречались на симпозиумах и конференциях, посвященных обсуждению проблем этногенеза; подготовлено к изданию несколько крупных работ. Среди них выделяется, в частности, коллективный труд «Этническая история китайцев и проблема формирования китайской нации». Его актуальность определяется прежде всего необходимостью противопоставить обстоятельный и объективный анализ фактического материала тенденциозному освещению проблем этнической истории народов Восточной Азии в трудах некоторых китайских специалистов.

В результате изучения этногенеза современные представления о происхождении многих народов стали значительно глубже и детальнее; выявлен обширный круг данных, послуживших фундаментом для ретроспективной реконструкции; получил освещение ряд вопросов методического характера⁵⁹.

⁵⁵ См., например: Г. И. Пелих, Происхождение селькупов, Томск, 1972; И. С. Вдовин, Очерки этнической истории коряков, Л., 1973; К. Д. Антадзе, Население Грузии в XIX в., Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Н. Г. Волкова, Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв., М., 1974; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения, М., 1974; «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», Новосибирск, 1974; М. С. Муканов, Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза, Алма-Ата, 1974; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник, М., 1975; К. Ш. Шаниязов, К этнической истории узбекского народа (по материалам кипчакского этнического компонента), Ташкент, 1975; «История горских и кочевых народов Северного Кавказа», вып. 1, Ставрополь, 1975.

⁵⁶ О. И. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970; С. И. Круц, Население территории Украины эпохи меди — бронзы (по антропологическим данным), Киев, 1972; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972; А. А. Зубов, Этническая одонтология, М., 1973; «Русские старожилы Сибири», М., 1973; «Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии», М., 1974; «Расо-генетические процессы в этнической истории», М., 1974; «Проблемы этнической антропологии и морфологии человека», М., 1974; А. Г. Гаджиев, Древнее население Дагестана по данным краниологии, Махачкала, 1974; В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974.

⁵⁷ Д. Е. Еремеев, Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971; Н. А. Красновская, Фриулы, М., 1971; Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972; «Этническая история народов Азии», Л., 1972; Р. Ш. Джарылгасинова, Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев), М., 1972.

⁵⁸ См., например, М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971.

⁵⁹ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян, «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973; В. П. Алексеев, Происхождение народов Кавказа, М., 1974; С. И. Вайнштейн, История народного искусства Тувы, М., 1975; С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов, Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников), СЭ, 1975, № 6.

Прошедшее пятилетие отмечено расширением и углублением теоретической разработки марксистско-ленинской концепции первобытнообщинного строя как первой социально-экономической формации человечества. Это традиционное для советской этнографии направление имеет большое значение для борьбы с буржуазной идеологией. За минувшие пять лет вышли в свет работы, показывающие, что вновь накопленный обильный фактический материал, вопреки выводам ученых немарксистской ориентации, не ведет к пересмотру, а напротив, подтверждает историко-материалистическую концепцию первобытности. Публикации последних лет представляют итоги анализа данных как в региональном плане⁶⁰, так и в плане выявления общих для всего человечества закономерностей⁶¹. Исследовался широкий круг проблем. В частности, были систематизированы новейшие приматологические наблюдения и начато их изучение с точки зрения возможности использования при разработке проблем социогенеза⁶². Предпринято углубленное исследование первобытной экономики и намечены с марксистских позиций основные этапы ее развития⁶³. Проведен экономический анализ хозяйства присваивающего типа с применением количественных методов исследований⁶⁴. Анализ китайской терминологии родства, развитие которой источники освещают на протяжении более 30 столетий, позволил установить, что малайская система родства (в противоположность распространенной точке зрения) представляет собой не универсальный этап, а боковую линию эволюции, связанную с аномальными условиями жизни общества⁶⁵. В свете современных данных науки была предложена новая конкретная схема развития семейно-брачных отношений, в которой дано обоснование идее Моргана о том, что историческое преобразование семейно-брачных институтов шло от промискуитета через групповой брак к парному и моногамному⁶⁶. Продолжалось изучение проблемы перехода от материнского рода к отцовскому⁶⁷. Получил дальнейшую аргументацию тезис о неправомерности противопоставления рода и общины⁶⁸. Изучалась проблема социально-экономических отношений в доземледельческую эпоху⁶⁹.

В течение прошедших пяти лет большое внимание уделялось проблеме классового образования, изучению механизмов этого процесса в различных историко-этнографических ситуациях. Появились исследования, в которых рассмотрены конкретные общества, вступившие на путь образования классов как под воздействием внутренних факторов, так и в результате интенсивного взаимодействия с более развитыми обществами (индейцы

⁶⁰ В. Р. Кабо, Тасманийцы и тасманийская проблема, М., 1975; Л. А. Файнберг, Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории, М., 1975.

⁶¹ «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972; «Первобытное общество. Основные проблемы развития», М., 1975.

⁶² Л. А. Файнберг, О некоторых предпосылках возникновения социальной организации, СЭ, 1974, № 5. В том же номере журнала опубликованы комментарии других исследователей к статье Л. А. Файнберга.

⁶³ Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

⁶⁴ Е. П. Дятел, Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тиндига: особенности воспроизводства и развития, «Африка: возникновение отсталости и пути развития», М., 1974.

⁶⁵ М. В. Крюков, Система родства китайцев (Эволюция и закономерности), М., 1972.

⁶⁶ Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, М., 1974.

⁶⁷ Ю. И. Семенов, Проблема исторического соотношения материнского и отцовского рода у абригенов Австралии, СЭ, 1971, № 6; его же, О материнском роде и оседлости в позднем палеолите, СЭ, 1973, № 4; его же, Еще раз о материнском роде и брачных классах, СЭ, 1975, № 1.

⁶⁸ Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса».

⁶⁹ «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе», Л., 1972.

Северной Америки, фракийцы, кочевые скотоводы юга Европы и других регионов)⁷⁰. Достигнуты новые результаты в теоретическом исследовании взаимодействия очагов классовых цивилизаций и их доклассовой периферии. Книга «Первобытное общество. Основные проблемы развития» явилась важной попыткой рассмотреть и типологизировать известные случаи таких взаимодействий в разных регионах земного шара.

Заметный вклад внесен в разработку проблем исторической реконструкции общественного сознания и духовной культуры первобытного человечества. Сделана, например, попытка подойти по-новому к проблеме взаимосвязей между трудом, сознанием и речью⁷¹. Показано единство основных черт человеческой психологии, рассмотрены считавшиеся свойственными первобытному обществу так называемые коллективные представления, обосновано заключение о нерасчлененности форм общественного сознания доклассовой эпохи⁷². В исследовании духовной культуры обращено особое внимание на ее синкретический характер, связь с различными сторонами производственной и социальной жизни; развитие искусства каменного века рассматривалось в тесной связи с возросшей способностью человека к абстрактному мышлению⁷³.

Проблема социальной истории человечества, начинающейся в первобытности, исследуется и на стадиально более позднем материале, на примере развитых народов, которые знали классовое расслоение общества, но сохраняли пережитки архаических форм общественной жизни. В минувшую пятилетку продолжалось изучение общины и связанных с ней институтов, функционировавших в условиях классового общества⁷⁴. Продолжалось обсуждение проблем общественного строя у кочевников⁷⁵.

Естественной потребностью любой науки является стремление подвести итог сделанному в области той или иной проблематики, проанализировать деятельность отдельных ученых. Четкое представление о путях формирования научных концепций и направлений, о ходе накопления фактических данных позволяет лучше понять сегодняшние тенденции развития науки. В течение пятилетия продолжалось изучение истории этнографии⁷⁶. Наиболее крупной работой пятилетки в данной связи

⁷⁰ Ю. П. Аверкиева, Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому, М., 1974; Т. Д. Златковская, Возникновение государства у фракийцев. VII—V вв. до н. э., М., 1971; А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975.

⁷¹ Б. Ф. Поршнев, О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии, М., 1974.

⁷² А. Ф. Анисимов, Исторические особенности первобытного мышления, Л., 1971; С. А. Токарев, Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи, «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972.

⁷³ «Ранние формы искусства», М., 1972; В. Б. Мириманов, Первобытное и традиционное искусство, М., 1973.

⁷⁴ Г. И. Анохин, Общинные традиции норвежского крестьянства, М., 1971; М. К. Кудрявцев, Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни), М., 1971; Ю. В. Иванова, Северная Албания в конце XIX — начале XX вв., М., 1973; Л. Е. Куббель, Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя, М., 1974; «Социальная организация народов Азии и Африки», М., 1975; «Социальная история народов Азии», М., 1975.

⁷⁵ С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972; Г. Е. Марков, Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества Азии, СЭ, 1973, № 1; Л. П. Лашук, Кочевничество и общие закономерности истории, СЭ, 1973, № 2.

⁷⁶ «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, М., 1971, вып. VI, М., 1974; Н. И. Гаген-Торн, Ленинградская этнографическая школа в двадцатье годы (У истоков советской этнографии), СЭ, 1971, № 2; К. В. Мелик-Пашаян, Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР, СЭ, 1971, № 3; В. В. Антропова, Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.), СЭ, 1972, № 6; Х. Стродс, Этнографическая наука в Латвийской ССР, СЭ, 1972, № 1; В. В. Востров, Г. Ф. Дахшлейгер, Х. Кауанова, Этнографическое

следует признать подготовленный совместно с зарубежными этнографами труд «Этнография в странах социализма»⁷⁷.

Изучение истории науки неразрывно связано с важной задачей критики буржуазной идеологии. Этой задаче посвящены не только многочисленные рецензии и обзоры зарубежной литературы, но и специальные издания⁷⁸. При этом особое внимание обращено на отношение разных ответвлений буржуазной этнологической науки к марксистскому историческому методу. Значительное место уделяется критике реакционных течений в буржуазной науке и в уже упоминавшемся ежегоднике «Расы и народы». Материалы ежегодника, в частности, показывают несостоятельность современных расистских теорий, основанных на попытках оперировать этнографическим и антропологическим материалом.

В годы девятой пятилетки заметно расширились международные связи советских этнографов. Они ведут совместные исследования с учеными европейских социалистических стран, Кубы, Индии, Финляндии и т. д. Готовится, в частности, трехтомный труд по этнографии славянских народов⁷⁹. Наши ученые принимали активное участие в IX Международном конгрессе антропологов и этнографов, состоявшемся в 1973 г. в Чикаго⁸⁰, и в ряде других международных конгрессов, конференций и совещаний, проведенных в разных странах⁸¹. Об интересе зарубежных специалистов к работам советских этнографов свидетельствуют не только многочисленные рецензии на наши издания в различных зарубежных журналах, но и публикации в переводах на иностранные языки статей и книг, написанных этнографами Советского Союза. Книги советских этнографов переводятся в разных странах⁸², в США специальный журнал «Советская антропология и археология» (Нью-Йорк) публикует на английском языке наиболее интересные, с точки зрения издателей, статьи советских этнографов. Для лучшей информации зарубежных специалистов о результатах этнографических исследований в СССР некоторые работы советских авторов были изданы на европейских языках и в Советском Союзе⁸³.

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими

изучение казахского народа (к 50-летию образования Союза ССР), СЭ, 1972, № 4; М. Э. Мелетуков, Этнографическое изучение адыгейского народа за годы Советской власти, «Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории», т. 15, Майкоп, 1972; Б. П. Полевой, К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнографии), СЭ, 1973, № 4; Г. Ш. Гаджиева, Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти, СЭ, 1973, № 6; Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук, СЭ, 1974, № 2; С. А. Токарев, Из истории этнографических исследований в Академии наук. Там же; Ю. В. Бромлей, Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы. Там же; Н. И. Гаген-Торн, Лев Яковлевич Штернберг, М., 1975; В. К. Бандарчук, Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі, Мінск, 1972.

⁷⁷ «Этнография в странах социализма (Очерки развития науки)», М., 1975.

⁷⁸ См., например, «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки», М., 1973.

⁷⁹ См., Ю. В. Бромлей, К вопросу об этнографии славян, «Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО», М., 1973, № 4.

⁸⁰ См., Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей, IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, СЭ, 1974, № 1.

⁸¹ Участие советских этнографов в значительных международных встречах специалистов разных стран отражено в хроникальных обзорах деятельности Института этнографии АН СССР, ежегодно публикуемых в журнале «Советская этнография» (1972, № 3; 1973, № 3; 1974, № 4; 1975, № 2).

⁸² Среди переводов работ советских ученых особенно следует отметить подготовленный с участием Института этнографии АН СССР сборник «Soviet Ethnology & Anthropology Today», опубликованный голландским издательством «Мутон» (Гаага, Париж, 1974).

⁸³ «Problèmes théoriques de l'ethnographie» («Problèmes du monde contemporain»), Moscou, 1971; «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems», Moscow, 1974; «Countries and Peoples of the East», Moscow, 1975.

специальных знаний в достояние народа. Как подчеркивал Л. И. Брежнев в речи, посвященной 250-летию Академии наук СССР, «ученые призваны активно участвовать в большом деле распространения научного мировоззрения среди самых широких масс трудящихся...»⁸⁴.

Этнографы стремятся делиться своими знаниями с массовым читателем. В годы девятой пятилетки увидел свет ряд популярных этнографических работ⁸⁵, статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и др. Продолжали публикацию популярных статей также журналы «Советская этнография» и «Народна творчість та етнографія». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках. Велась работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой наряду с описанием природы и хозяйства будет дана культурно-бытовая характеристика народов.

Огромную роль в распространении этнографических знаний играют музеи, в особенности Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Музей этнографии народов СССР (Ленинград). Однако этнографических музеев, особенно музеев под открытым небом, у нас пока еще явно недостаточно, хотя работа по их созданию ведется. Так, в последние годы были созданы этнографические музеи на открытом воздухе во Львове, Улан-Удэ, Киеве и др.

* * *

Подводя предварительные итоги научной деятельности этнографов за минувшее пятилетие, естественно, невозможно рассмотреть все аспекты проделанной работы и даже упомянуть все исследования, посвященные отдельным частным вопросам нашей науки. Однако по необходимости краткий обзор итогов работы достаточно убедительно показывает, что прошедшие пять лет были весьма плодотворными для развития советской этнографии, что к XXV съезду КПСС ученые пришли со значительными достижениями, обогатившими разные области этнографической науки.

Нельзя не отметить здесь ту высокую оценку, которую получила в нашей стране в рассматриваемый период научная деятельность этнографов. Две книги («Гавайский народ и американские колонизаторы» и «Этнос и этнография») были удостоены Президиумом АН СССР премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1972 и 1975 гг.). Книга Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» получила бронзовую медаль на ВДНХ (1974 г.). Книги Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой («Народы, расы, культуры»), Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой («Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе»), Г. П. Снесарева («Под небом Хорезма»), В. П. Кобычева («В поисках прародины славян») получили премии общества «Знание». Целый ряд этнографов был награжден орденами и медалями в связи с 250-летним юбилеем Академии наук СССР.

Оглядываясь на сегодняшние рубежи этнографической науки, мы видим вместе с тем, что стоящие перед этнографами задачи ответственны и сложны и требуют умелого сосредоточения сил в отдельных областях науки, которые пока еще не получили достаточной разработки.

⁸⁴ «Правда», 8 октября 1975 г.

⁸⁵ Н. Р. Гусева, Индия: тысячелетия и современность, М., 1971; З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972; Ю. В. Симченко, Люди высоких широт, М., 1972; В. П. Кобычев, В поисках прародины славян, М., 1973; Г. П. Снесарев, Под небом Хорезма (Этнографические очерки). М., 1973; Р. Итс, Камень солнца. Рассказы этнографа, Л., 1974; П. И. Пучков, Современная география религий, М., 1975; Н. А. Бутинов, Путь к Берегу Маклая, Хабаровск, 1975; Л. М. Демин, Сингапур многоликий, М., 1975, и др.

Как и прежде, в сфере внимания этнографов будут оставаться современные этнические процессы, в связи с чем насущной необходимостью является более углубленная и тщательная отработка методической стороны исследования. По-прежнему будет вестись планомерное изучение уходящих в прошлое традиционных культур народов земного шара, а также важных мировоззренческих проблем первобытности. Требуется поднять на более высокий уровень теорию и методологию исследования этногенеза. Должны получить дальнейшее развитие смежные с этнографией «пограничные» дисциплины — этносоциология, этногеография, этнодемография и др. Необходим мощный импульс для развития чрезвычайно нужной в современных условиях дисциплины — этнопсихологии. Следует продолжить также борьбу с буржуазной идеологией, прежде всего с национализмом, шовинизмом, расизмом.

В своей речи о 250-лети Академии наук СССР Л. И. Брежнев подчеркнул, что партия ждет от советских ученых еще более деятельной и плодотворной работы. Интернациональный коллектив этнографов нашей страны имеет все возможности для того, чтобы добиться еще больших успехов в развитии советской этнографической науки.

SOVIET ETHNOGRAPHICAL SCIENCE IN THE NINTH 5-YEAR PLAN PERIOD

The principal results of research in the ethnographical field during the last five years are reviewed in the article. The authors stress that recent research has been mainly directed at the study of contemporary ethnic processes and at comprehensive investigation of the traditional cultures of all the peoples of the world. At the same time the authors disclose the variety and wealth of the problem-matter which channels the scientific research carried on by Soviet ethnographers.
